

Леонид Фишман

КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА И УПРАВЛЕНИЕ СУДЬБОЙ

Нередко утверждается, что либерализм терпит неудачу именно потому, что миросистема, построенная по его рецептам, сейчас для большинства населения планеты является несправедливой. Вплоть до середины XX века либерализм оставался доминирующей идеологией миросистемы, сумевшей подчинить своему влиянию как консерваторов, так и левых, озвучивавших требования не интегрированных в систему социальных групп. Однако, с точки зрения гораздо более многочисленных (в мировом масштабе) «эксплуатируемых» групп, эта идиллия представлялась результатом гигантского лицемерия и непоследовательности. Права человека предназначены для всех, но ими не обладают (или обладают не в полной мере) люди без солидной частной собственности, нищие и безработные, женщины, упорствующие радикалы, цветные, сексуальные меньшинства, иммигранты и т. д. Нищие безответственны и не смогут разумно пользоваться правами, радикалы — опасны, о сексуальных меньшинствах лучше вообще промолчать, дабы не вызвать гнев общественного мнения и церкви, женщины — существа второго сорта (и христианские церкви с этим утверждением согласны), цветные — тоже второго сорта просто из-за своей расы. Те иммигранты, которые успешно интегрируются в систему, как правило, близки по вере, расе и обычаям коренным жителям — им отдается культурное предпочтение. Что касается «нецивилизованных» народов, то они не более чем объект воздействия цивилизованных наций. Либерализм им тоже предлагал программу своего рода интеграции. Но это была программа потери культурной идентичности, осуществляемая под контролем западной цивилизации — и она на сегодняшний день почти везде отвергнута.

Тем не менее эта система работала, поскольку в одном чрезвычайно важном аспекте она основывалась именно на справедливости, и эта справедливость имела свои корни вовсе не только в либеральной идеологии.

Справедливость, в которой на сегодняшний день отказано капиталистической миросистеме (следствием чего и стал кризис либерализма) была принципом неуклонного повышения возможностей для всех. Недоволь-

ство отвергнутых вызывало лишь то, что их слишком медленно и неохотно признавали созревшими для приобретения новых возможностей — это представляло нарушением базового принципа справедливости. Данное понимание справедливости вытекало из более широкого, чем собственно либеральный, модернизаторского проекта, берущего начало еще со времен Просвещения. Это был проект расширения человеческих возможностей, исходя из прогресса разума вообще и науки в частности. Раньше человек был сер, глуп и фанатичен, обременен массой предрассудков. Из-за этого человечество не могло достичь устойчивого благосостояния, благ было мало и не хватало на всех. Теперь же человек был осмыслен как впервые в своей истории сделавший уверенные шаги на пути достижения коллективной и индивидуальной рациональности и достойный в силу этого благ, которые несет прогресс наук и искусств. Предоставить ему все эти блага стало справедливым. И неслучайно первым вестником такого понимания стал утилитаризм с его лозунгом наибольшего счастья для наибольшего числа людей.

Г. Рормозер очень емко сформулировал суть и, главное, мотивацию модернизаторского проекта: «На достижение какого состояния общества была ориентирована с самого начала эпоха Нового времени? Стремление было всегда к такому состоянию общества, при котором человек полностью распоряжался бы своей собственной судьбой и всеми социальными и индивидуальными условиями своей жизни... замысел состоял в том, чтобы упразднить случайность, или, говоря более обыденным языком, судьбу... Человек не должен был более зависеть от своей судьбы. Ему надлежало взять отныне в собственные руки естественные и социальные обстоятельства своей жизни, самому распорядиться ими, чтобы, освободившись от всякого рода зависимости, связанной с судьбой, обрести возможность поступать теперь как ему вздумается»¹. Иначе говоря, модернизаторский проект Нового времени, питавший и либерализм, и социализм, заключался в обещании человечеству достигнуть возможности *управлять своей судьбой*.

Каким было соотношение модернизаторского проекта и идеи справедливости? Справедливость впервые в истории стала целенаправленно осмысливаться с точки зрения расширения человеческих возможностей. В прошлом теории справедливости в основном уделяли внимание нормативным вопросам или сосредоточивались на абстрактно понимаемой человеческой природе и ее нуждах.

Модерн во многом изменил это положение, если и не в области чистого дискурса справедливости, то в области его идеологических интерпретаций. Социализм мог выглядеть почти как «внешний» корректив либерализма именно в силу того, что он возлагал *еще большие* надежды на модернизаторский проект. Живое представление о том, что возможности общества

1. Рормозер Г. Кризис либерализма // <http://www.philosophy.ru/iphtras/library/rormoz.html>

расширились вследствие прогресса, в эпоху Модерна служило источником морального неприятия и становилось важным критерием различения справедливого и несправедливого. С радикальной точки зрения, особенно с марксистской, самый важный вопрос поэтому звучал примерно так: почему сегодня люди считают несправедливым то, что считали справедливым вчера? Иначе говоря, откуда берет начало моральный импульс возмущения несправедливостью?

И становилось очевидным, что он берет начало из осознания того факта, что сегодня возможности, предоставляемые человеку совершенствованием науки, техники, производства, государственного управления и т. д. (прогрессом) объективно возросли, в то время как общественные отношения остаются такими, как будто ничего не изменилось. Несправедливость стала заключаться в том, что плоды прогресса присваиваются частью общества определенно меньшей, чем это уже может позволить сегодня себе человечество.

Но с другой стороны, по мере исчерпания модернизаторского проекта вера в неизбежное развитие всех стран и народов была подорвана. Теории модернизации потерпели неудачу. Возобладали формулировки справедливости, исходящие из более архаичного представления о праве на жизнь, свободу и собственность. Они были дополнены риторикой на тему прав национально-культурной общности, социальных прав, понимаемых как права на доступ к потреблению каких-либо благ и т. д. *Либерализм и постепенно инволюционировавший к нему социализм именно потому оказались в кризисе, что они никогда не играли самостоятельной роли в обеспечении идеологического обоснования легитимности социального порядка. Главным всегда оставался модернизаторский проект, к которому они оба апеллировали.*

Сам по себе либерализм никогда не был цивилизационным проектом. Как замечает Г. Рормозер, «либерализм предполагает наличие основного консенсуса в обществе, однако внести какой-то вклад в культурную основу такого консенсуса сам он не в состоянии». Либерализм являлся почти «инструментальным» «довеском» к прогрессистскому, модернизаторскому проекту (тому самому «основному консенсусу») Нового времени. А это был проект антропологический, почти религиозный, со сверхзадачей «упразднения фатальности судьбы». Пока задача признавалась актуальной, «работали» и либерализм, и социализм. Когда она была признана утопической и нереальной, либерализм и социализм оказались в кризисе. Идейной альтернативы либерализму не возникает именно потому, что его сегодняшние оппоненты используют ту риторику прав человека и прав народов, которая в действительности сама по себе никогда не была достаточной для легитимации социального порядка.

Но проблема, вдохновлявшая прогрессистский проект, остается, как и мотив сформулировать новый проект упразднения судьбы. Этот мотив — в экзистенциальном переживании ограниченности человека узким горизонтом личного, семейного или группового блага, вопросами собственности и безопасности, призрачной свободы, которая никогда не достигается

в реальной жизни, а вместо нее все время подсовываются суррогаты в виде потребления и т. д.

Либеральное представление о жизни, свободе и собственности в своей основе уже достаточно устарело, ибо было сформулировано в раннебуржуазных обществах. Тогда оно являлось исторически обусловленным ответом на вопрос: Что нужно человеку для полноценной жизни в обществе? Ответ уже и тогда был минималистским: все-таки он игнорировал, к примеру, религиозные потребности человека. Поэтому его и пытались все время откорректировать: «жизнь, свобода и собственность» заменялись «жизнью, свободой и стремлением к счастью» или «свободой, равенством и братством». Но он возобладал, ибо альтернатива в виде религиозных и династических войн представлялась гораздо худшей.

В условиях сегодняшнего отсутствия идеологической альтернативы либерализму требуется найти ответ на тот же самый вопрос. Но этот ответ не может быть узко идеологическим. *Это прерогатива, вероятно, более широкого мировоззрения, формулирующего новый проект управления судьбой, проект достижения человечеством такого состояния, в котором каждый будет уверен, что жизнь обошлась с ним справедливо.*

В сущности, кризис современных обществ заключается в том, что люди теряют одни возможности и не приобретают других. Поэтому они становятся разного рода маргиналами — лишними в социальном отношении людьми, которых порой выгоднее содержать на пособие, лишь бы не переобучать и не предоставлять им новые рабочие места, возможности и перспективы. Гораздо легче и проще, как иронически утверждала С. Джордж в «Докладе Лугано», просто избавиться от этого лишнего населения, чем поддерживать подобную иллюзию «социальной справедливости».

И поэтому настоящая, не вызывающая морального негодования справедливость сегодня означает, что никакой человек не может быть лишним. Это моральный принцип, который должен быть положен в основу нового глобального модернизаторского проекта. В настоящее время такая справедливость недостижима в рамках локальных сообществ. Она достижима только в рамках миросистемы, человечества в целом. Нельзя ограничиться гуманитарной помощью или социальными программами. Речь идет о качестве жизни, базирующемся на постоянном расширении возможностей. Принцип роста возможностей для всех — это вовсе не принцип «равенства возможностей». Лозунг равенства возможностей, как несложно убедиться, легко подменяется риторикой прав человека, а затем прав национальной, культурной и религиозной общности, что в сегодняшней ситуации вызвало рост национализмов, «притязаний культуры» и тому подобные следствия, приводящие к социальной дезинтеграции. *Главное «право человека» (кроме права на жизнь) или, точнее, его единственное право, которое порождает всю социально-политическую проблематику — это право на расширение собственных материальных, духовных, технических и прочих возможностей по мере того, как он интеллектуально и морально становится готовым пользоваться ими.*

Дезинтегрированное общество не может быть восстановлено на прежних исторических принципах, оно может быть только вновь создано. Основой воссозданного общества может стать принцип справедливости как роста возможностей для всех. Такая постановка вопроса подчиняет себе вопрос о собственности, свободе, религиозных и политических убеждениях и т. д. Новое общество, которое по необходимости будет глобальным, явится плодом грандиозного эксперимента — социального, политического, технологического — нового модернизаторского проекта управления своей судьбой как отдельным человеком, так и человечеством в целом.